БРЮС СТЕРЛИНГ

СТАРОМОДНОЕ БУДУЩЕЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В рассказе «Велосипедный мастер» читатель знакомится с неким Лайлом, большим специалистом по починке и модернизации велосипедов. Живет Лайл в таком месте, куда нормальным людям, особенно миловидным барышням, лучше не соваться. А если уж миловидная барышня сунулась — то жди неприятностей…

В 1997 году «Велосипедный мастер» получил премию «Хьюго».

- Брюс Стерлинг
  - ○

Брюс Стерлинг
Велосипедный мастер

Спавший в гамаке Лайл проснулся от противного металлического стука. Он со стоном сел и оглядел свою захламленную мастерскую.

Натянув черные эластичные шорты и взяв с верстака замасленную безрукавку, он поплелся к двери, недовольно косясь на часы. Было 10:04:38 утра 27 июня 2037 года.

Лайл перепрыгнул через банку с краской, и пол загудел у него под ногами. Вчера работы было столько, что он завалился спать, не прибравшись в мастерской. Лакокрасочные работы неплохо оплачивались, но пожирали уйму времени. Лайл был сильно утомлен работой, да и жизнью тоже.

Он распахнул дверь и оказался перед глубоким провалом. Далеко внизу серела бескрайняя пыльная площадь. Голуби пикировали в огромную дыру в закопченном стеклянном перекрытии. Где-то в темной утробе небоскреба они вили свои гнезда.

Стук повторился. Юный курьер в униформе слез со своего трехколесного грузового велосипеда и ритмично колотил по стене свисающей сверху колотушкой изобретением Лайла.

Лайл зевнул и помахал курьеру рукой. Отсюда, из-под чудовищных балок пещеры, бывшей некогда атриумом, взору открывались три выгоревших внутренних этажа старого комплекса «Чаттануга Архиплат». Элегантные прежде поручни превратились в рваную арматуру, обзорные площадки — в смертельные ловушки для неосторожных: любой неверный шаг грозил провалом в стеклянную бездну. В бездне мерцало аварийное освещение, громоздились курятники, цистерны с водой, торчали флажки скваттеров. Опустошенные пожаром этажи, искривленные стены и провисшие потолки были соединены кое-как сколоченными пандусами, шаткими лесенками, винтовыми переходами.

Лайл заметил бригаду по разбору завалов. Ремонтники в желтых робах устанавливали мусососы и прокладывали толстые шланги на тридцать четвертом этаже, возле защищенных от вандализма западных лифтов. Два-три раза в неделю город посылал в зону разрушения бригаду, делавшую вид, что она работает. Лицемерно отгородившись от любопытных глаз козлами и лентами с надписью «проход воспрещен», компания лентяев бездельничала на всю катушку.

Лайл, не глядя, налег на рычаг. Велосипедная мастерская с лязгом спустилась на три этажа и встала на четыре опоры — бочки, залитые цементом.

Курьер был знакомый: то и дело показывался в Зоне. Как-то раз Лайл чинил его грузовой велосипед; он отлично помнил, что менял, что регулировал, но имени парня вспомнить не мог, хоть убей. На имена у него не было никакой памяти.

— Какими судьбами, приятель?

— Не выспался, Лайл?

— Просто дел по горло.

Парень наморщил нос. Из мастерской действительно убийственно несло краской.

— Все красишь? — Он заглянул в электронный блокнот. — Примешь посылочку для Эдварда Дертузаса?

— Как всегда. — Лайл поскреб небритую щеку с татуировкой. — Если надо, конечно.

Парень протянул ему ручку.

— Распишись за него.

Лайл устало сложил на груди голые руки.

— Э, нет, братец. Расписываться за Ловкача Эдди я не стану. Эдди пропадает в Европе. Сто лет его не видел.

Курьер вытер потный лоб под фуражкой и оглянулся. Скваттерский муравейник служил поставщиком дешевой рабочей силы для выполнения разовых поручений, но сейчас там не было видно ни души. Власти отказывались доставлять почту на тридцать второй, тридцать третий, тридцать четвертый этажи. Полицейские тоже обходили опасные участки стороной. Не считая бригады по разбору завалов, сюда изредка забирались разве что полубезумные энтузиасты из системы социального обеспечения.

— Если ты распишешься, мне дадут премию. — Парень умоляюще прищурился. Наверное, это непростая посылка, Лайл. Сам понимаешь, сколько денег отвалил отправитель за доставку.

Лайл оперся о дверной косяк.

— Давай-ка взглянем, что там.

Посылка представляла собой тяжелую противоударную коробку, запаянную в пластик и покрытую европейскими наклейками. Судя по количеству наклеек, посылка не меньше восьми раз передавалась из одной почтовой системы в другую, пока не нашла путь к адресату.

Обратный адрес, если он вообще существовал, трудно было разглядеть. Возможно, она пришла откуда-то из Франции.

Лайл поднес коробку к уху и встряхнул. Внутри что-то брякнуло.

— Будешь расписываться?

— Пожалуй, — Лайл начертал нечто неразборчивое на пластинке и покосился на курьерский велосипед. — Тебе надо отрегулировать переднее колесо.

Парень безразлично пожал плечами.

— Что-нибудь передашь на «Большую землю»?

— Ничего, — проворчал Лайл. — Я больше не выполняю заказы по почте. Слишком сложно, и есть опасность, что обжулят.

— Тебе виднее… — Парень сел на велосипед и помчался как угорелый прочь из Зоны.

Лайл вывесил на двери табличку «открыто» и надавил ногой на педаль. Крышка огромного мусорного бака откинулась, и он бросил коробку в кучу прочего имущества Дертузаса.

Но закрываться крышка не пожелала. Количество мусора, принадлежавшего Ловкачу Эдди, достигло критической массы. Ловкач Эдди ни от кого не получал посылок, зато постоянно слал их самому себе. Отовсюду, где он останавливался, — из Тулузы, Марселя, Валенсии, Ниццы и особенно из Барселоны, — поступал вал дискет. Из одной Барселоны он переправил столько гигабайтов, что позавидовал бы любой киберпират.

Эдди использовал мастерскую Лайла в качестве сейфа. Лайла это устраивало. Он был перед Эдди в долгу: тот установил в его мастерской телефон, систему виртуальной реальности и всевозможные электронные примочки. Кабель, продырявив крышу тридцать четвертого этажа, впивался в разводку тридцать пятого и исчезал в рваной дыре, проделанной в алюминиевой крыше передвижного домика Лайла, подвешенного на тросах. Соответствующие счета оплачивал неведомый знакомый Эдди, а довольный Лайл только переводил наличные анонимному абоненту почтового ящика. То был редкостный и ценный выход в мир, где имелась организованная власть.

Приходя в мастерскую Лайла, Эдди посвящал много времени марафонским виртуальным заездам. Кабели спутывали его по рукам и ногам, как тесемки смирительной рубашки. В один из таких заездов Эдди завел непростой роман с немкой, которая была заметно старше его. Родители Эдди без особой симпатии наблюдали за всеми сложностями, взлетами и падениями этого виртуального романа. Немудрено, что Эдди покинул родительский кондоминиум и переселился к самозахватчикам.

В велосипедной мастерской Эдди прожил в общей сложности год. Лайлу это пошло на пользу, так как его гость пользовался немалым уважением у местных скваттеров. Ведь именно он был одним из организаторов гигантского уличного празднества в Чаттануге в декабре 35-го года, вылившегося в вакханалию и

оставившего три этажа комплекса «Архиплат» в их теперешнем виде.

Лайл учился с Эдди в одной школе и был знаком с ним много лет; они вместе выросли в «Архиплате». Несмотря на юный возраст. Эдди Дертузас был чрезвычайно хитроумным человеком, имел связи и солидный выход в Сеть. Жизнь в трущобах была для обоих хорошим вариантом, но когда немка проявила интерес к Эдди не только в виртуальном обличье, он улетел первым же рейсом в Германию.

Лайл и Эдди расстались друзьями, и Эдди получил право отсылать свой европейский информационный мусор в велосипедную мастерскую. Вся информация на дискетах была тщательно зашифрована, и никакие представители властей никогда не сумели бы их прочесть. Хранение нескольких тысяч дискет было для Лайла мелочью по сравнению с невольным участием в сложной, компьютеризированной личной жизни Эдди.

После неожиданного отъезда Эдди Лайл продал его вещи и перевел деньги ему в Испанию. Себе он оставил экран, медиатор и дешевый виртуальный шлем. Насколько Лайл понял их уговор, все, что осталось от Эдди в мастерской, за исключением программ, принадлежало теперь ему, Лайлу, и могло использоваться по его усмотрению. По прошествии некоторого времени стало абсолютно ясно, что Эдди никогда не вернется в Теннесси, а у Лайла накопились кое-какие долги.

Лайл выбрал подходящий инструмент и вскрыл посылку Эдди. Среди прочего, в ней оказался кабельный телеприемник, смешная древность. В Северной Америке чего-либо похожего было не сыскать; за подобным антиквариатом пришлось бы наведаться к полуграмотной баскской бабуле или в бронированный бункер какого-нибудь индейца.

Лайл поставил телевизор рядом с настенным экраном. Сейчас ему было не до игрушек: наступило время для настоящей жизни. Сначала он наведался в крохотный туалет, отгороженный от остального помещения занавеской, и не спеша отлил, потом кое-как почистил зубы полувылезшей щеткой и смочил лицо и руки водой. Чисто вытеревшись маленьким полотенцем, он обработал подмышки, промежность и ноги дезодорантом.

Живя с матерью на пятьдесят первом этаже, он употреблял старомодные антисептические дезодоранты. Удрав из матушкиного кондоминиума, он многое понял. Теперь он пользовался гель-карандашом с полезными для кожи бактериями, жадно поглощавшими пот и выделявшими приятный безвредный запах, напоминающий аромат спелых бананов. Жизнь упрощается, если наладить отношения с собственной микрофлорой.

Потом Лайл сварил себе тайской лапши с сардиновыми хлопьями. Помимо этого его завтрак состоял из немалого количества «Биоактивной кишечной добавки д-ра Бризейра», После завтрака он проверил, высохла ли краска на раме велосипеда, с которым он возился перед сном, и остался доволен своей работой. Чтобы так хорошо поработать в три часа ночи, надо обладать незаурядными способностями.

Покраска неплохо оплачивалась, а ему позарез нужны были деньги. Но, конечно, собственно к ремонту велосипедов такая работа имела мало отношения. Здесь все диктовалось гордыней владельца, что Лайла совершенно не устраивало. Наверху, в пентхаузах, хватало богатых ребят увлекавшихся «уличной эстетикой» и готовых платить за украшение их машин. Но боевая раскраска не сказывается на достоинствах велосипеда. Важнее сама конструкция рамы, крепления, правильная регулировка.

Лайл присоединил свой велотренажер к виртуальному рулю, надел перчатки и шлем и на полчаса присоединился к гонкам «Тур де Франс» 2033 года. Пока дорога вела в гору, он оставался в «пелетоне», но потом на целых три минуты оторвался от участников-французов и догнал самого Альдо Чиполлини. Чемпион был настоящим монстром, сверхчеловеком со слоновьими ляжками. Даже в дешевой игре, без костюма, дающего всю полноту ощущений, Лайл не рискнул обогнать Чиполлини.

Он вышел из виртуальной реальности, проверил свой сердечный ритм на ручном хронометре, слез с тренажера и осушил пол-литровую бутылку противостарителя. Жизнь казалась гораздо легче, когда у него был партнер.

Второй сосед Лайла, вернее, соседка, была из компании велосипедистов, опытная гонщица из Кентукки. Звали ее Бриджитт Роэнсон. Лайл сам был неплохим гонщиком, пока не запорол себе стероидами почку. От Бриджитт он не ждал неприятностей: она разбиралась в велосипедах, обращалась за помощью к Лайлу при починке своей двухколесной машины, не гнушалась тренажером и была лесбиянкой. В гимнастическом зале и за пределами гонок она была спокойной и неполитизированной особой.

Однако жизнь в Зоне сильно повысила градус ее эксцентричности. Сначала она стала пропускать тренировки, потом перестала нормально питаться. Скоро в мастерской начались шумные девичники, быстро превратившиеся в наркотические оргии с участием татуированных «штучек» из Зоны, которые заводили непотребную музыку, лупили друг друга чем попало и воровали у Лайла инструменты. Лайл вздохнул с

облегчением, когда Бриджитт упорхнула из Зоны, спутавшись с обеспеченной ухажеркой с тридцать седьмого этажа. И без того скудные финансы Лайла успели к этому времени полностью иссякнуть.

Лайл покрыл часть рамы еще одним слоем эмали и отошел, чтобы дать ей подсохнуть. Поддев крышку древнего аппарата, присланного Эдди, он, даже не будучи электронщиком, не обнаружил ничего опасного: стандартная начинка и дешевый алжирский силикон.

Он включил медиатор Эдди, но тут на настенном экране появился видеоробот его матери. Экран был так велик, что лицо этого компьютерного творения походило на рыхлую подушку, а галстук-бабочка — на огромный башмак.

— Оставайтесь на связи. Вас вызывает Андреа Швейк из «Карнак Инструменте», — елейно проговорил видеоробот.

Лайл ненавидел видеороботов всей душой. Подростком он сам завел такого и установил на телефон кондоминиума. Видеоробот Лайла, подобно всей этой братии, выполнял единственную функцию: перехватывал ненужные звонки чужих роботов. Так Лайл скрывался от консультантов по выбору профессии, школьных психиатров, полиции и прочих напастей. В свои лучшие времена его видеоробот представлял собой хитрющего гнома с бородавками, гнусавого и истекающего зеленым гноем. Общаться с ним было неприятно, что и требовалось.

Однако Лайл не уделял ему должного внимания, и это привело к трагическому исходу: дешевый робот впал в безумие.

Удрав от матери и примкнув к когорте сам о захватчиков, Лайл прибег к простейшей самообороне: почти перестал включать телефон. Но это было половинчатым решением. Он все равно не смог спрятаться от ушлого, дорогого корпоративного видеоробота матушки, который с неусыпным механическим рвением ждал, когда оживет его номер.

Лайл со вздохом вытер пыль с объектива медиатора.

— Ваша мать выходит на связь, — предупредил робот.

— Жду не дождусь, — пробурчал Лайл, поспешно приглаживая волосы.

— Она распорядилась вызвать ее для немедленного общения. Она очень хочет с вами поговорить, Лайл.

— Потрясающе! — Лайл не мог вспомнить, как называет себя матушкин робот: то ли мистером Билли, то ли мистером Рипли, то ли каким-то еще дурацким именем.

— Вам известно, что Марко Сенгиалта выиграл летнюю гонку в Льеже?

Лайл привстал и заморгал.

— Ну да?

— У велосипеда мистера Сенгиалты керамические колеса с тремя спицами и жидким наполнением. — Видеоробот сделал паузу, учтиво ожидая реплики собеседника. — Он был обут в дышащие бутсы «Келвар-микролок».

Лайл терпеть не мог манеру этого видеоробота узнавать об интересах абонента и соответственно строить беседу. При полном отсутствии человеческого тепла этот разговор был тем не менее поразительно интересным и притягивал такой бывает иногда реклама в глянцевом журнальчике. На получение и обработку всей статистики по льежским гонкам у матушкиного видеоробота ушло не больше трех секунд.

Потом Лайл увидел мать. Она завтракала в своем кабинете.

— Лайл?

— Привет, мам, — Лайл помнил, что говорит с единственным человеком в целом свете, способном в случае чего внести за него залог и освободить до суда. Какими судьбами?

— Как обычно. — Мать отставила тарелку с проростками и теляпией, Захотелось узнать, живой ли ты.

— Пойми, мам, быть скваттером вовсе не так опасно, как утверждают полицейские и домовладельцы. Я в полном порядке, сама видишь.

Мать поднесла к носу секретарские очки-половинки на цепочке и с помощью компьютера внимательно осмотрела сына.

Лайл навел объектив медиатора на алюминиевую дверь мастерской.

— Видишь, мам? Это электрическая дубинка. Если кто-то вздумает меня донимать, то получит удар в пятнадцать тысяч вольт.

— А это законно, Лайл?

— Вполне. Заряд не убивает, а просто надолго вырубает. Я отдал за эту штуковину хороший велик. У нее много полезных защитных свойств.

— Звучит ужасно.

— Дубинка совершенно безвредна. Видела бы ты, чем теперь вооружены фараоны!

— Ты продолжаешь делать себе инъекции, Лайл?

— Какие инъекции?

Она нахмурилась.

— Сам знаешь, какие.

Лайл пожал плечами.

— Это тоже безвредно. Гораздо лучше, чем мотаться в поисках знакомства.

— Особенно с такими девицами, что болтаются там у вас в зоне бунта. — Мать боязливо поежилась. — Я надеялась, что ты останешься с той приятной гонщицей кажется, Бриджитт? Куда она подевалась?

— Женщина с таким прошлым, как у тебя, могла бы понять значение этих инъекций, — игнорировал вопрос Лайл. — Речь идет о свободе от воспроизводства. Средства, устраняющие половое влечение, дают человеку истинную свободу — от потребности к размножению. Ты бы радовалась, что у меня нет сексуальных партнеров.

— Я не возражаю против отсутствия партнеров, просто обидно, что тебя это вообще не интересует.

— Но, мам, мной тоже никто не интересуется! Никто! Что-то незаметно, чтобы женщины ломились в дверь к механику-одиночке, живущему в трущобе. Если это произойдет, ты узнаешь первой, — Лайл радостно улыбнулся. — Когда я был гонщиком, у меня были девушки. Я уже через это прошел, мам. Если у человека в голове мозги, а не сплошные гормоны, то секс — пустая трата времени. Освобождение от секса — это главная форма движения за гражданские права в наше время.

— Глупости, Лайл. Это противоестественно.

— Прости, мам, но тебе ли говорить о естественности? Ты ведь вырастила меня из зиготы в возрасте пятидесяти пяти лет! — Он пожал плечами. — И потом, для романов я слишком занят. Мне хочется как можно лучше разобраться в велосипедах.

— Когда ты жил у меня, ты точно так же возился с велосипедами. У тебя была нормальная работа и нормальный дом с возможностью регулярно принимать душ.

— Да. Я работал, но разве я когда-нибудь говорил, что хочу работать? Я сказал, что хочу разбираться в велосипедах, а это большая разница. Зачем мне вкалывать, как какому-то рабу, на велосипедной фабрике?

Мать промолчала.

— Я ни о чем тебя не прошу, мам. Просто мне не нужно начальство, учителя, домовладельцы, полицейские. Здесь мы нос к носу — я и моя работа с великами. Знаю, власть не выносит, когда человек двадцати, четырех лет от роду живет независимой жизнью и делает только то, что ему хочется, но я стараюсь себя не афишировать, и пусть никто мной не интересуется. Мать побежденно вздохнула.

— Ты хоть нормально питаешься, Лайл? Что-то ты осунулся.

Лайд показал объективу свое бедро.

— А это видала? Скажешь, перед тобой недокормленный, болезненный слабак?

— Может, навестить меня, и кои-то веки нормально поужинаешь?

— Когда?

— Скажем, в среду. Я пожарю свиные отбивные.

— Может быть. Посмотрим. Я еще позвоню, ладно? — Лайл первым повесил трубку.

Присоединить кабель медиатора к примитивному телевизору оказалось нелегко, но Лайл был не из тех, кто пасует перед простой технической загвоздкой. Покраска была отложена на потом: он покопался в мини-зажимах и вооружился резаком для кабеля. Работая с современными тормозами, он научился справляться с волоконной оптикой.

Наладив телевизор, Лайл убедился, что тот предлагает до смешного узкий набор услуг. Современный медиатор обеспечивал навигацию в бескрайнем информационном пространстве, тогда как по этому ящику можно было смотреть всего лишь «каналы». Лайл успел забыть, что в Чаттануге можно принимать старомодные каналы даже по оптико-волоконной сети. Каналы финансировало правительство, которое всегда тащилось в хвосте по части овладения информационными сетями. Интересоваться ерундой на каналах общественного доступа мог только закоренелый ретроград, зануда и тугодум, не поспевающий за современными веяниями.

Оказалось, что телевизор может транслировать только политические каналы. Их было три: Законодательный, Судебный, Исполнительный. Для всех существовала только Североамериканская Территория Свободной Торговли — НАФТА. Законодательный канал усыплял парламентскими дебатами по землепользованию в Манитобе; Судебный — адвокатским витийством о рынке прав на загрязнение воздуха; Исполнительный канал показывал толпу, собравшуюся где-то в Луизиане в ожидании некоего события.

По телевизору нельзя было узнать о политических событиях в Европе, в Сфере, на Юге. Ни оглавления, ни «картинки в картинке». Приходилось пассивно ждать, что покажут дальше. Вся трансляция была построена так безыскусно и примитивно, что даже вызывала извращенное любопытство, словно вы подглядывали в замочную скважину.

Лайл остановился на Исполнительном канале, так как на нем ожидалось событие. Рассчитывать на то, что монотонная жвачка по другим каналам сменится чем-то побойчее, не приходилось, он даже решил вернуться к покраске.

На экране появился президент НАФТА, доставленный вертолетом к месту сборища толпы. Из людской гущи выбежала

многочисленная охрана, в облике которой странным образом сочеталась деловитость и ледяная невозмутимость.

Внезапно по нижнему краю изображения побежала текстовая строка из старомодных белых букв с неровными краями: «Смотрите, он не знает, где встать! Почему его толком не подготовили? Он похож на бездомного пса!»

Президент пересек бетонную площадку и с радостной улыбкой пожал руку кому-то из местных политиков. «Так жмет руку только отъявленная деревенщина. Этот южанин-остолоп — бомба под твои следующие выборы!»

Президент побеседовал с политиком и со старухой — видимо, женой политика. «Скорее прочь от этих кретинов! — бесновалась строка. — Быстрее на трибуну! Где твои помощники? Опять наширялись? Забыли о своих обязанностях?»

Президент хорошо выглядел. Лайл давно заметил, что президент НАФТА всегда хорошо выглядит, словно это его профессиональное свойство. Европейские руководители всегда казались погруженными в свои мысли интеллектуалами, политики Сферы убеждали своим видом, что скромны и преданы делу, руководители Юга выглядели злобными фанатиками, а президент НАФТА, казалось, только что поплавал в бассейне и побывал на массаже. Его широкая, лоснящаяся, жизнерадостная физиономия была испещрена мелкими татуировками: на обеих щеках, на лбу, над бровями, еще несколько буковок на каменном подбородке. Не лицо, а рекламный плакат сторонников и заинтересованных групп.

«Он что, думает, что нам нечего делать? — не унимался текст. — Что за пустота в эфире? Неужели исчезли люди, способные как следует организовать трансляцию? И это называется информировать общественность? Если бы мы знали, что „инфобан“ кончится подобным идиотизмом, то никогда бы на него не согласились».

Президент повернул к трибуне, заставленной ритуальными микрофонами. Лайл заметил, что президенты питают слабость к старым пузатым микрофонам, хотя существуют микрофоны с маковое зернышко.

— Ну, как делишки? — с улыбкой осведомился президент. Толпа приветствовала его воодушевленным криком.

— Подпустите людей поближе! — внезапно распорядился президент, обращаясь к фаланге телохранителей. — Давайте, братцы, подходите! Садитесь на землю. Мы тут все равны. — Президент благодушно улыбался потной толпе в шляпах, сгрудившейся вокруг и не верящей своему счастью.

— Мы с Мариэттой только что отменно пообедали в

Опелузасе, — сообщил президент, похлопывая себя по плоскому животу. Он сошел с трибуны и смешался с луизианским электоратом. Пока он пожимал тянущиеся к нему руки, каждое его слово фиксировалось спрятанным у него в зубе микрофоном. — Лопали темный рис, красную фасоль — ох, и острая! — и устриц, да таких, что проглотят любого лангуста! — Он прищелкнул языком. — Ну и зрелище, доложу я вам! Я глазам своим не поверил.

Президентская охрана, не привлекая к себе внимания, обрабатывала толпу портативными детекторами. Нарушение протокола, допущенное президентом, не застало молодцов врасплох.

«Все понятно: опять собирается разразиться своей болтовней на счет генетики!» — гласили титры.

— В общем, у вас есть право гордиться сельским хозяйством своего штата, сказал президент. — Агронаука у вас хоть куда! Я знаю, конечно, что на севере, в «снежном поясе», есть узколобые луддиты, которые долдонят, что мелкие устрицы лучше…

Смех в толпе.

— Заметьте, я не против. Если есть ослы, готовые расходовать честно заработанные деньги на мелких устриц, мы с Мариэттой не возражаем. Ведь правда, дорогая?

Первая леди улыбнулась и помахала рукой в перчатке.

— Но, братцы, мы-то с вами знаем, что эти нытики, жалующиеся на убывание естественной пищи, устриц в глаза не видели! Естественная пища — скажите, пожалуйста! Кого они пытаются обвести вокруг пальца? Да, у вас тут не город, но это не значит, что ДНК вам неподвластна.

«Он неплохо выстроил региональный уклон. Для уроженца Миннесоты это успех. Но почему так бездарно работают операторы?! Неужели всем на все наплевать? Что творится с нашими некогда высокими стандартами?»

К обеду Лайл покрыл велосипед последним слоем эмали. Потом, подкрепляя кашей из тритикале, сжевал богатую йодом и прочими минералами губку.

После обеда он уселся перед настенным экраном, чтобы повозиться с инерционными тормозами. Лайл знал, что инерционные тормоза принесут большие деньги — когда-нибудь, где-нибудь, кому-нибудь. От самого принципа пахло будущим.

Лайл вставил в глаз лупу и стал копаться в механизме. Ему нравилось превращение кинетической энергии в электрическую. Энергия, затраченная на торможение, снова шла в дело. В этом было заключено волшебство.

Лайл видел будущее в инерционных тормозах, улавливающих

энергию и возвращающих ее посредством цепной передачи — непосредственно к мускулам ездока, без помощи опостылевшего бесплотного электричества. Если у него получится, велосипедист будет чувствовать себя естественно и одновременно ощутит себя немножко сверхчеловеком. Система должна была быть простой, поддающейся несложному ремонту. Всякие выкрутасы не годились, с ними велосипед потерял бы свою сущность.

У Лайла было много конструкторских идей. Он не сомневался, что претворил бы их в жизнь, если бы не выбивался из сил пытаясь удержать на плаву мастерскую. Многие велосипеды оснащались теперь микросхемами, но между настоящим велосипедом и компьютером все равно нет ничего общего. Компьютеры просто коробки, принцип их работы не виден глазу. К велосипедам же люди испытывают сентиментальные чувства; когда речь заходит о велосипедах, в человеке просыпается романтик. Поэтому на рынке не прижились велосипеды с лежачим положением ездока, хотя у них было много механических преимуществ. Людям не захотелось сложных велосипедов. Они испугались, как бы велосипеды не стали вредничать, жаловаться, ныть, требовать внимания и постоянного усовершенствования, как это происходит с компьютерами. Велосипед — сугубо личный предмет и обязан служить долго.

Лайл услышал стук в дверь и пошел открывать. Внизу стояла рослая брюнетка в шортах, синей фуфайке без рукавов, с волосами, собранными в хвост. Под мышкой у нее был легкий тайваньский велосипед.

— Это вы — Эдвард Дертузас? — спросила она задрав голову.

— Нет, — спокойно ответил Лайл. — Эдди в Европе.

Она подумала и сказала:

— Я недавно в Зоне. Сможете заняться моим велосипедом? Я купила его подержанным и думаю, что его надо подправить.

— Конечно, — отозвался Лайл. — Вы обратились к кому следует: Эдди Дертузас не умеет чинить велосипеды. Он просто жил здесь. А мастерская принадлежит мне. Давайте-ка свой велик.

Лайл нагнулся, поймал руль и втянул велосипед в мастерскую. Женщина уважительно смотрела на него снизу вверх.

— Как вас зовут?

— Лайл Швейк.

— А меня — Китти Кеседи. — Она помялась. — Мне можно войти?

Лайл взял ее за широкое запястье и помог забраться в будку. Ее нельзя было назвать хорошенькой, зато она была в отменной спортивной форме, как горная велосипедистка или мастер

триатлона. На вид ей можно было дать лет тридцать пять, но внешность обманчива. Косметические операции и биокорректировка получили такое распространение, что определение возраста превратилось в серьезную проблему. Тут требовался вдумчивый, прямо-таки медицинский анализ век, верхнего слоя кожи и прочего.

Она с любопытством огляделась и тряхнула своим коричневым хвостом.

— А вы откуда? — спросил Лайл, уже успевший забыть ее имя.

— Я родилась в Джуно. Это на Аляске.

— Значит, канадка? Здорово! Добро пожаловать в Теннесси.

— Вообще-то Аляска была штатом США.

— Кроме шуток? — удивился Лайл. — Я, конечно, не историк, но карту с американской Аляской не видел.

— Надо же, у вас тут умещается целая мастерская! Поразительно, мистер Швейк! Что за этой занавеской?

— Незанятая комната, — ответил Лайл. — Раньше там ночевал мой сосед.

— Дертузас?

— Он самый.

— А теперь кто ночует?

— Теперь никто, — грустно ответил Лайл. — Теперь у меня там склад.

Она кивнула и с явным любопытством продолжила осмотр.

— Что это за трансляция?

— Трудно сказать, — ответил Лайл и выключил телевизор. — Какая-то несусветная политическая чушь.

Он осмотрел ее велосипед. Все серийные номера были спилены. Типичный велосипед из Зоны.

— Первым делом, — начал он, — надо подогнать его под ваш рост и фигуру; подрегулировать высоту седла, педалей, руля. Потом я перетяну цепь, выровняю колеса, проверю тормоза и подвеску, все подкручу, смажу. В общем, все, как обычно. Седло надо бы сменить — это мужское. У вас кредитная карточка?

Она кивнула и сразу нахмурилась.

— Только кредита уже немного.

— Не беда. — Он открыл потрепанный каталог. — Здесь то, что вам нужно: выбирайте любое дамское седло. Его доставят завтра утром. А потом, — он полистал каталог, — закажите вот это.

Она подошла ближе и взглянула на страницу.

— Набор керамических гаечных ключей?

— Да. Я чиню вам велосипед, вы покупаете мне набор — и мы

квиты.

— Идет! Это совсем недорого. — Она улыбнулась. — Мне нравится ваш подход, Лайл.

— Проживите в Зоне с мое — тоже привыкнете к бартеру.

— Раньше я не была скваттершей, — задумчиво молвила она. — Вообще-то мне здесь нравится, но, говорят, здесь опасно?

— Не знаю, как в других городах, но в трущобах Чаттануги совсем не опасно, если, конечно, вы не боитесь анархистов, которые опасны, только когда напьются. Самое худшее, что может произойти, — вас время от времени будут обворовывать. Ну, бродит тут парочка крутых парней, хвастающих, что у них есть пистолеты, но я еще ни разу не видел, чтобы кто-нибудь пустил в ход огнестрельное оружие. Старые пистолеты раздобыть нетрудно, но для того, чтобы наделать боеприпасов, нужно быть настоящим химиком. — Он тоже улыбнулся. — А вы, кажется, способны за себя постоять.

— Я беру уроки танцев.

Он понимающе кивнул и вынул из ящика рулетку.

— Судя по тросам и блокам у вас на крыше, вы можете поднять свою мастерскую? Подвесить где-то наверху?

— Могу. Это спасает от взлома и нежелательных визитов, — Лайл посмотрел на электрическую дубинку на двери. Она проследила за его взглядом, и в ее глазах отразилось уважение.

Лайл измерил ей руки, торс, расстояние от паха до пола и все записал.

— Готово. Приходите завтра днем.

— Лайл?

— Я вас слушаю. — Он выпрямился.

— Вы не сдаете угол? Мне нужно безопасное местечко в Зоне.

— Прошу извинить, — вежливо ответил он, — но я так ненавижу домовладельцев, что никогда не буду сам выступать в этом качестве. Мне нужен сосед и партнер, который мог бы работать наравне со мной в мастерской. Чтобы поддерживал жилище в порядке или вместе со мной чинил велосипеды. Да и вообще, если бы я взял с вас деньги или назначил квартплату, у налоговой полиции появился бы дополнительный повод ко мне привязаться.

— Это верно, но… — она помолчала, потом томно взглянул на него из-под ресниц. — Со мной вам было бы лучше, чем в пустой мастерской.

Лайл удивленно приподнял брови.

— Я женщина, умеющая приносить мужчине пользу, Лайл. Пока что никто не жаловался.

— Вот как?

— Представьте себе, — Она отбросила смущение.

— Я обдумаю ваше предложение, — сказал Лайл. — Как, говорите, вас зовут?

— Китти. Китти Кеседи.

— Сегодня у меня полно работы, Китти, но мы увидимся завтра, хорошо?

— Хорошо, Лайл. — Она улыбнулась. — Подумайте, ладно?

Лайл помог ей спуститься, и смотрел, как она шагает по атриуму и исчезает в дверях переполненного трущобного кафе. Потом он позвонил матери.

— Ты что-то забыл? — спросила она, оторвавшись от рабочего дисплея.

— Знаешь, в это трудно поверить, но только что мне в дверь постучала незнакомая женщина и предложила себя.

— Ты, видимо, шутишь?

— Надо полагать, в обмен на кров и стол. Я же обещал, что если это случится, ты узнаешь первая.

— Лайл… — мать подыскивала нужные слова. — По-моему, тебе надо меня навестить. Давай вместе поужинаем дома! Поедим, обсудим твои дела.

— Идет. Все равно я должен доставить один заказ на сорок первый этаж.

— Все это мне не слишком нравится, Лайл.

— Ладно, мам, увидимся вечером.

Лайл собрал свежевыкрашенный велосипед, переключил подъемное устройство на дистанционное управление и покинул мастерскую. Сев на велосипед, он нажал кнопку. Мастерская послушно взмыла в воздух и, слегка покачиваясь, повисла под черным от пожара потолком.

Лайл покатил к лифтам — туда, где прошло его детство.

Сначала он вернул велосипед счастливому идиоту — заказчику, а потом, спрятав заработанную наличность в ботинок, отправился к матери. Там он принял душ, побрился. Они полакомились свиными отбивными и выпили. Мать жаловалась на конфликт с третьим мужем и плакала навзрыд, хоть и не так долго, как обычно, когда всплывала эта тема. У Лайла создалось впечатление, что она скоро совсем остынет, а там и подберет себе четвертого муженька.

В районе полуночи Лайл отклонил ритуальное материнское предложение пополнить его гардероб и устремился обратно в Зону. После матушкиного хереса у него плыло перед глазами, и он провел некоторое время у разбитой стеклянной стены атриума, глядя на тусклые звезды в подсвеченном городскими огнями небе. Ночью пещерная темнота Зоны привлекала его, как

ничто другое. Тошнотворное круглосуточное освещение, которым был залит весь остальной «Архиплат», здесь, в Зоне, так и не было восстановлено.

По ночам в Зоне кипела жизнь: все нормальные люди принимались обходить здешние подпольные пивнушки и ночные заведения; о том, что там происходило, можно было только догадываться — все двери были предусмотрительно затворены. Редкие красные и синие сполохи только добавляли загадочности.

Лайл вынул прибор дистанционного управления и опустил мастерскую. Дверь оказалась взломанной. Его последняя клиентка лежала без сознания на полу. На ней был черный комбинезон военного образца, вязаная шапочка, специальные очки и альпинистское снаряжение.

Первое, что она сделала, вломившись в заведение Лайла, — это вытащила из чехла висевшую у двери электрическую дубинку. За что и поплатилась разрядом и пятнадцать тысяч вольт и смесью краски и разрешенных к применению нервно-паралитических химикатов ударившей ей в лицо.

Лайл обезвредил со своего дистанционного пульта сделавшую свое дело дубинку и аккуратно вернул ее в чехол. Незваная гостья еще дышала, но иных признаков жизни не подавала. Лайл попробовал вытереть ей платком нос и рот. Парни, продавшие ему чудо-дубинку, не зря хихикали, говоря о «несмываемости». Лицо и горло женщины были теперь зелеными, а на груди красовалось пятно, отливавшее всеми цветами радуги. Половину лица закрывали ее диковинные очки. Подбирая для нее подходящее сравнение Лайл остановился на еноте, повалявшемся на мольберте пейзажиста.

Попытка снять с нее испорченную одежду традиционным способом к успеху не привела, и он сходил за ножницами по металлу. С их помощью он избавил женщину от толстых перчаток и перерубил шнурки ее пневмореактивных башмаков. У черной водолазки оказалась абразивная поверхность, а грудь и спину незваной гостьи закрывала кираса, которую вряд ли удалось бы пробить даже из пушки.

В ее брюках он насчитал девятнадцать карманов, набитых всякой всячиной. Там было электропаралитическое оружие, аналогичное по действию его дубинке, фонарик, пакетики с пыльцой для снятия отпечатков, нож с несколькими десятками лезвий, какие-то лекарства, пластмассовые наручники, а также мелкие деньги, четки, расческа и косметичка.

В ушах у женщины Лайл обнаружил крохотные микрофонные усилители; их удалось извлечь с помощью пинцета. После этого он сковал ей руки и ноги цепочкой для парковки велосипедов. Он

боялся, как бы она, очнувшись, не принялась бесчинствовать.

Часа в четыре утра она разразилась кашлем и сильно задрожала. Летними ночами в мастерской действительно бывало зябко. Лайл, придумал, как решить проблему: принес из незанятой комнаты теплосберегающее одеяло. В середине одеяла, он, как в пончо, проделал дыру для головы и надел на свою гостью. Потом, сняв с нее велосипедные кандалы (они бы ее все равно не остановили) он наглухо зашил ее одеяло снаружи прочнейшей седельной нитью. Прикрепив края пончо к ремню, он надел ремень ей на шею, застегнул и для верности повесил на пряжку замок. Тело оказалось в мешке, из которого торчала одна голова, хрипевшая и пускавшая слюни.

Не пожалев суперклея, он намертво приклеил мешок с женщиной к полу. Одеяло было достаточно прочным; если она все равно сумеет освободиться, пустив в ход ногти, — значит, она даст фору самому Гудинни и Лайлу здесь делать нечего. Он смертельно устал и вполне протрезвел. Лайл выпил глюкозы, заглотнул три таблетки аспирина, сжевал шоколадку и завалился и гамак.

Проснулся Лайл в десять утра. Пленница сидела в мешке с бесстрастным зеленым лицом, красными глазами и слипшимися от краски волосами. Лайл встал, оделся, позавтракал и починил сломанный дверной замок. Он помалкивал — отчасти потому, что надеялся на молчание как на способ принести ее в чувство, отчасти потому, что опять забыл ее имя. К тому же он сомневался, что она назвалась настоящим именем.

Починив дверь, он повыше подтянул колотушку — чтобы их не беспокоили. Сейчас им надо побыть наедине.

Наконец Лайл включил настенный экран и антикварный телеприемник. При появлении дурацких титров женщина заерзала.

— Кто ты такой? — выдавила она.

— Я ремонтирую велосипеды, мэм.

Они фыркнула.

— Полагаю, ваше имя мне ни к чему, — сказал Лайл. — Важнее узнать, кто вас послал и зачем, а также что я сам смогу извлечь из этой ситуации.

— Ничего не выйдет.

— Возможно, — согласился он. — Но вы-то полностью провалились. Я всего-навсего механик двадцати четырех лет из Теннесси, чиню велосипеды и никого не трогаю. Зато на вас столько всяких штучек, что их хватило бы на пять таких мастерских, как моя.

Он открыл зеркальце из ее косметички и показал ей, как она

выглядит. Зеленое лицо напряглось еще больше.

— Лучше расскажите, что вы замышляли.

— И не мечтай! — огрызнулась она.

— Если вы надеетесь на подмогу, то вынужден вас разочаровать: надежды тщетны. Я вас хорошенько обыскал, нашел все приспособления, которые на вас были, и повынимал из них батарейки. Некоторые я вижу впервые и понятия не имею, зачем они и как работают, но батарейка — она батарейка и есть. Прошло уже несколько часов, а ваши коллеги все не торопятся. Вряд ли они знают, где вас искать.

На это она ничего не ответила.

— В общем, — подытожил он, — вы провалили операцию. Вас поймал полный профан, и вы попали в положение заложницы, которое может длиться сколь угодно долго. Моих запасов воды, лапши и сардин хватит на несколько недель. Если в вашу берцовую кость вмонтировано какое-нибудь тайное устройство, вы можете связаться хоть с самим Президентом, но мне все же кажется, что у вас возникли серьезные проблемы.

Она еще немного повозилась в своем мешке и отвернулась.

— Наверное, дело в этом антенном приемнике.

Она промолчала.

— Вряд ли он имеет какое-то отношение ко мне или к Эдди Дертузасу. Прислали-то его, видать, для Эдди, но он вряд ли об этом просил. Просто кому-то — может, его психованным дружкам в Европе — захотелось, чтобы у него был этот ящик. Раньше Эдди принадлежал к политической группе КАПКЛАГ — слыхали о такой?

Не приходилось сомневаться, что она слышала это название не в первый раз.

— Лично мне эти типы всегда были не по душе, — продолжал Лайл. — Сначала я клюнул на их разглагольствования про свободу и гражданские права, но достаточно разок побывать на их собрании на верхних этажах в пентхаузах и послушать, как они изрекают: «Мы должны подчиняться технологическим императивам или окажемся на свалке истории» — и сразу становится ясно, что это просто никчемные богатенькие зазнайки, не умеющие завязать собственные шнурки.

— Это опасные радикалы, подрывающие национальную безопасность.

Лайл прищурился.

— Чью национальную безопасность, если не секрет?

— Вашу и мою, мистер Швейк. Я из НАФТА. Я федеральный агент.

— Почему же тогда вы вламываетесь в чужой дом? Разве это

не запрещено Четвертой поправкой?

— Если вы имеете в виду Четвертую поправку к Конституции Соединенных Штатов Америки, то этот документ отменен много лет назад.

— Ну да? Что ж, вам виднее… Я не очень-то внимательно слушал учителей. Простите, вы называли свое имя, но я…

— Я говорила, что меня зовут Китти Кеседи.

— Ладно, Китти, мы сидим тут с тобой нос к носу и решаем нашу личную проблему. Как ты думаешь, что я должен сделать в этой ситуации? Чисто практически.

Китти раздумывала недолго.

— Немедленно меня освободить, вернуть все, что забрал, отдать мне приемник и то, что к нему относится — записи, дискеты. Потом ты должен тайком провести меня через «Архиплат», чтобы из-за краски на лице меня не остановила полиция. Еще мне бы очень пригодилась сменная одежда.

— Ты считаешь?

— Такое поведение было бы наиболее разумным. — Она прищурилась. — Ничего не могу обещать, но это самым благоприятным образом сказалось бы на твоем будущем.

— А ты не скажешь, кто ты, откуда явилась, кто тебя послал, что все это значит?

— Не скажу. Мне запрещено раскрываться при любых обстоятельствах. Да тебе и не нужно ничего знать. Если ты действительно тот, за кого себя выдаешь, зачем тебе все это?

— Не хочу всю жизнь оглядываться, опасаясь, что ты выскочишь из темного угла.

— Если бы я хотела причинить тебе вред, то сделала бы это при первой же встрече. Кроме нас с тобой, здесь никого не было, и я могла бы запросто тебя нейтрализовать и забрать все, что мне требовалось. Так что лучше отдай мне приемник с дискетами и прекрати нелепый допрос.

— Представь, что я вломился в твой дом, Китти. Что бы ты со мной сделала? — Молчание. — Так у нас не получится. Если ты не скажешь, что здесь происходит, мне придется прибегнуть к крутым мерам.

Она презрительно скривила губы.

— Что ж, сама напросилась. — Лайл взял медиатор и сделал голосовой вызов, — Пит?

— Видеоробот Пита слушает, — ответил голос в телефоне. — Чем могу вам помочь?

— Передай Питу, что у Лайла Швейка крупные неприятности и я жду его у себя в мастерской. Пускай приведет с собой ребят покрепче из «пауков».

— Что за неприятности, Лайл?

— С властями. Крупные. Больше ничего не могу сказать. Боюсь прослушивания.

— Будь спок. Дело на мази. Бывай, братан.

Лайл сердито сбросил с верстака велосипед Китти.

— Знаешь, что меня больше всего злит? — сказал он. — Что ты не пожелала обойтись со мной по-человечески. Поселилась бы здесь честь по чести — и могла бы утащить свой дурацкий ящик и что угодно в придачу! Но у тебя не хватило порядочности. Кстати, тебе даже не пришлось бы ничего красть, Китти! Достаточно улыбнуться, вежливо попросить — и я сам вручил бы тебе приемник и любые другие игрушки. Я все равно ничего не смотрю. Терпеть не могу эту дребедень.

— Это был экстренный случай. Времени на дополнительное об следование и внедрение не было. Так что перезвони своим гангстерам и скажи, что произошла ошибка. Пусть лучше не приходят.

— Ты готова к серьезной беседе?

— Никаких бесед!

— Что ж посмотрим.

Через двадцать минут у Лайла зазвонил телефон. Прежде чем ответить, он выключил экран. Звонил Пит, один из «городских пауков».

— Эй, где твоя колотушка?

— Прости, я втянул ее в мастерскую, чтобы не беспокоили. Сейчас спущу мастерскую.

Пит был высок ростом и худ, как и положено верхолазу. У него были загорелые руки и колени и огромные башмаки-прыгуны с крючками на носках. На кожаном комбинезоне без рукавов было полно зажимов и карабинов, за плечами болталась здоровенная матерчатая сума. На левой щеке, заросшей щетиной, красовалось целых шесть татуировок.

Пит глянул на Китти, приподнял заскорузлыми пальцами очки и внимательно изучил пленницу.

— Ну и ну, Лайл! Никогда бы не подумал, что ты так влипнешь.

— Да, дело серьезное. Пит.

Пит повернулся к двери и втащил в мастерскую женщину в костюме с кондиционером, в длинных брюках, ботинках на молнии и очках в металлической оправе.

— Меня зовут Мейбл.

— А меня Лайл. Там, в мешке — Китти.

— Ты говорил, что тебе нужна тяжелая артиллерия, вот я и захватил с собой Мейбл, — объяснил Пит. — Она социальный

работник.

— Как я погляжу, ты держишь ситуацию под контролем, — сказала Мейбл, почесывая в затылке и озираясь. — Что случилось? Она проникла в мастерскую?

Лайл утвердительно кивнул.

— И первым делом схватилась за твою электрическую дубинку, — догадался Пит. — Я же предупреждал; воры сразу тянутся к оружию. — Пит довольно поскреб у себя под мышкой. — Главное, оставить его на виду. Вор никогда не избежит такого соблазна. — Он осклабился. — Срабатывает, как часы.

— Пит из «городских пауков», — объяснил Лайл Китти. — Эта мастерская построена его ребятами. Как-то темной ночью они подняли мой дом на высоту тридцать четвертого этажа посреди «Архиплата» — и никто даже слова не сказал, никто ничего не видел; они бесшумно проделали в стене дыру и втащили через нее мой домик. Потом загнали в стену арматуру и подвесили мастерскую. «Пауки» фанатики верхолазания, как я фанатик велосипедов, только они относятся к своему занятию еще серьезнее, чем я и их очень много. Они были среди первых скваттеров Зоны. Это мои друзья.

Пит встал на одно колено и заглянул Китти в глаза.

— Я люблю вламываться в разные места, а ты? Самое разлюбезное дело — взять и куда-нибудь вломиться. — Он порылся в своей суме и вытащил фотоаппарат. Только воровать — это неспортивно. Разве что прихватить трофеи как доказательство, что вы где-то побывали. — Он сделал несколько снимков. — Но вы, мэм, не устояли перед алчностью, внесли дух собственничества и присвоения в наше прекрасное дело и тем его предали. Вы поставили пятно на наш спорт. Он выпрямился. — Мы, «городские пауки», не любим заурядных грабителей, особенно тех, кто проникает с корыстными целями в жилища наших клиентов, вроде Лайла. А больше всего — безмозглых воров, застигнутых на месте преступления, как вы.

Пит нахмурил кустистые брови.

— Знаешь, как бы я предложил поступить, старина Лайл? Давай обмотаем твою приятельницу кабелем с нот до головы, вынесем на людное место и повесим вниз головой под куполом!

— Не очень-то человеколюбиво! — серьезно заметила Мейбл. Пит оскорбленно засопел.

— Учти, я не собираюсь брать с него плату! Представь, как изящно она будет вращаться при свете сотен фонарей, отражаясь в бесчисленных зеркалах!

Мейбл опустилась на колени и заглянула Китти в лицо.

— Она пила поду после того, как лишилась чувств?

— Нет.

— Ради Бога, Лайл, напои бедную женщину водой!

Лайл подал Мейбл пластмассовую бутылку.

— Кажется, вы оба так и не врубились, — сказал он, — Полюбуйтесь, чего я с нее понаснимал! — Он показал им очки, ботинки, оружие, перчатки, альпинистское снаряжение и все прочее.

— Ух ты! — Пит нажимал на своих очках кнопки, чтобы рассмотреть инвентарь в мельчайших подробностях. — Это не простая любительница, а прямо уличный самурай из «Пташек войны» или того почище!

— Она называет себя федеральным агентом.

Мейбл резко выпрямилась и отняла у Китти бутылку.

— Шутишь?!

— Спроси у нее сама.

— Я социальный работник пятой категории из управления городского развития. — Она показала Китти удостоверение. — А вы кто?

— Я не готова к немедленному разглашению подобной информации.

— Прямо не верится! — Мейбл убрала потрепанное голографическое удостоверение обратно в фуражку. — Как я погляжу, ты поймал члена правореакционного секретного формирования! — Она покачала головой. — У нас в управлении только и слышишь о правых военизированных группах. Но я никогда не видела их боевиков живьем.

— Внешний мир полон опасностей, мисс социальный работник.

— Она еще будет мне рассказывать! — возмутилась Мейбл. — Я работала на «горячей линии», уговаривала самоубийц не расставаться с жизнью, а террористов — не казнить заложников. Я профессиональный социальный работник! Я видела столько ужаса и страдания, сколько тебе и не снилось. Пока ты отжималась в своем тренировочном лагере, я имела дело с реальным миром. — Мейбл машинально глотнула из бутылки. — Что тебе понадобилось в скромной велосипедной мастерской?

Китти не соизволила ответить.

— Кажется, дело в этом телеприемнике, — подсказал Лайд. — Его доставили сюда вчера. Через несколько часов явилась она и давай со мной заигрывать, намекать, что хочет здесь пожить. У меня сразу возникли подозрения.

— Естественно, — откликнулся Пит, — Промашка, Китти. Лайл сидит на антилибидантах.

Китти презрительно покосилась на Лайла.

— Теперь понятно! — выдавила она. — Вот, значит, во что превращается мужичок, перестав интересоваться сексом: в бесполое существо, ковыряющееся в гараже!

Мейбл вспыхнула.

— Слыхали? — Она пнула мешок с Китти ногой. — Какое ты имеешь право издеваться над чужими особенностями и интересами? Особенно после попытки превратить человека в объект сексуальной манипуляции в своих противозаконных целях? Совсем совесть потеряла? Да ты… Тебя надо судить!

— Попробуй.

— И попробую!

— Вот и давай подвесим ее за ушко на солнышке! — подхватил Пит. — И созовем прессу! Нам, «паукам», очень пригодится ее инвентарь: все эти уши-телескопы, порошок для снятия отпечатков с пальцев ног, подслушивающие устройства, присоски для лазания, специальный трос — все вместе! Только не ее военная обувка.

— Все это мое, — серьезно предостерег Лайл. — Я первым это увидел.

— Давай так, Лайл: ты уступаешь нам ее барахло, а мы прощаем тебе должок по монтажу мастерской.

— Держи карман шире! Одни ее боевые очки стоят всей этой мастерской.

— А меня интересует этот телеприемник, — алчно заявила Мейбл. — Кажется, это не слишком сложное устройство? Оттащим-ка ею парням из «Синего попугая» и попросим разобрать на части. Запустим схему в сеть и подождем, что выпадет из киберпространства.

— За ужасные последствия столь глупого и безответственного поступка будешь отвечать сама, — прошипела Китти.

— Ничего, я рисковая, — беззаботно ответила Мейбл, заламывая фуражку. Пусть моя либеральная головка от этого немного пострадает, зато твоя фашистская башка треснет, как гнилой орех.

Кигти отчаянно завозилась в мешке. Все трое с интересом наблюдали, как она пускает в ход зубы и ногти, как молотит ногами. Результат был нулевым.

— Ладно, — прохрипела она отдуваясь. — Я сотрудница сенатора Крейтона.

— Кого-кого? — спросил Лайл.

— Джеймса П. Крейтона — он сенатор от вашего Теннесси на протяжении последних тридцати лет.

— А я и не знал, — признался Лайл.

— Мы анархисты, — объяснил Пит.

— Я, конечно, слыхала об этом старом маразматике, — сказала Мейбл, — но сама я из Британской Колумбии, а мы там меняем сенаторов, как вы — носки. Если вы тут, конечно, меняете носки.

— Сенатор Крейтон чрезвычайно влиятелен! Он был сенатором США еще до избрания первого сената НАФТА. У него огромный штат из двадцати тысяч опытнейших и преданных делу сотрудников. К нему прислушиваются в комитетах по сельскому хозяйству, банковскому делу, телекоммуникациям.

— Ну и что?

— А то, что нас, повторяю, целых двадцать тысяч, — голосу Китти недоставало бодрости. — Мы работаем не одно десятилетие и добились хороших результатов. Сотрудники сенатора Крейтона управляют важными делами в правительственных структурах НАФТА. Если сенатор отойдет от дел, это приведет к нежелательным политическим потрясениям. Возможно, вам странно слышать, что сотрудники сенатора могут быть так влиятельны, но если бы вы потрудились разобраться, как функционирует власть, то поняли, что я нисколько не преувеличиваю.

— Ты хочешь сказать, что даже у какого-то паршивого сенатора есть собственная карманная армия? — спросила Мейбл, почесывая в затылке. Китти оскорбленно вскинула голову.

— Он прекрасный сенатор! Когда у тебя двадцать тысяч сотрудников, вопрос о безопасности стоит очень остро. В конце концов, у исполнительной власти всегда были свои силовые формирования. А как же баланс властей?

— Кстати, твоему старикашке уже лет сто двадцать или около того, напомнила Мейбл.

— Сто семнадцать.

— Как бы о нем ни заботились лучшие медики, ему осталось совсем чуть-чуть.

— Вообще-то его уже можно скачать, нет… — призналась Китти. — Лобные доли отказали. Он еще способен сидеть и повторять то, что ему нашептывают, если подпитывать его стимулирующими препаратами. У него два вживленных слуховых аппарата, и вообще им управляет его видеоробот.

— Видеоробот? — задумчиво переспросил Пит.

— Очень хороший видеоробот, — сказала Китти. — Он тоже стар, но его надежно обслуживают. У него твердые моральные устои и отличный политический нюх. Робот почти ничем не отличается от самого сенатора в расцвете сил. Но старость есть старость: он по-прежнему предпочитает старомодные

информационные каналы, все время смотрит официальную трансляцию, а в последнее время совсем свихнулся и начал транслировать собственные комментарии.

— Всегда говорю: видеороботам доверия нет, — вставил Лайл. — Ненавижу!

— И я, — подхватил Пит. — Но даже роботы бывают приличнее политиков.

— Не пойму, в чем, собственно, проблема, — озадаченно произнесла Мейбл. Сенатор Хиршхеймер давно уже находится на прямой нейронной связи со своим видеороботом, и у него самый обнадеживающий избирательный рейтинг. То же самое — у сенатора Мармалехо из Тамаулипаса: она, конечно, немного рассеянная, все знают, что она подсоединена к медицинской аппаратуре, зато она активный борец за права женщин.

— По-вашему, такого не может быть? — спросила Китти.

Мейбл покачала головой.

— Не собираюсь судить об отношениях индивидуума и его цифрового воплощения. Насколько я понимаю, это один из важнейших элементов неприкосновенности личности.

— Я слыхала, что в свое время это вызывало страшные скандалы. Возникала паника; когда становилось известно, что крупный правительственный чин — не более чем ширма для искусственного интеллекта.

Мейбл, Пит и Лайл перетянулись.

— Вас удивляет это известие? — спросила Мейбл.

— Нисколько, — ответил Пит.

— Велика важность! — поддакнул Лайл.

Китти, устав сопротивляться, уронила голову на грудь.

— Эмигранты в Европе распространяют приемники, способные дешифровать комментарии сенатора — то есть его видеоробота. Робот говорит так, как когда-то говорил сам сенатор — не на людях, конечно, и не под запись. В стиле его дневниковых заметок. Насколько известно, робот исполнял роль дневника… Раньше это был его портативный персональный компьютер. Он просто переводил файлы, совершенствовал программы, обучал его новым штукам, вроде узнавания голоса и письма, потом оформил ему кучу доверенностей… В один прекрасный день робот вырвался на свободу. Мы считаем, что робот принимает себя за сенатора.

— Так велите ему заткнуться, и дело с концом!

— Невозможно, Мы даже не знаем наверняка, где он физически находится и как вставляет свои саркастические комментарии в видеорепортажи. В былые времена у сенатора было полно друзей в видеоиндустрии. Робот может вещать из

множества разных мест.

— И это все? — расстроился Лайл. — Весь твой секрет? Почему ты сразу не рассказала нам про приемник? Зачем понадобилось вооружаться до зубов и высаживать мою дверь? Твой рассказ меня убеждает. Я бы с радостью отдал тебе ящик.

— Не могла, мистер Швейк.

— Почему?

— Потому, — ответил за нее Пит, — что она представляет надетое чиновничество, а ты нищий механик из трущоб.

— Мне твердили, что здесь очень опасно, — сказала Китти.

— Вовсе не опасно! — возразила Мейбл. — Нисколечко. Для того чтобы представлять опасность, у них нет сил. Здесь просто общественная отдушина. Городская инфраструктура Чаттануги перетру жена. Сюда долго вкладывали слишком большие деньги. Городская жизнь полностью утратила свою непосредственность. Моральная атмосфера стала удушливой. Потому все втайне радовались, когда бунтовщики устроили пожар на трех этажах. Убытки были возмещены по страховке. Первыми сюда пришли мародеры, потом здесь стали прятаться дети, жулики, нелегалы. На конец настал черед постоянного самозахвата. Дальше стали появляться мастерские художников, полулегальные мастерские, заведения под красным фонарем, кафе, пекарни. Скоро здесь станут открывать свои офисы и кабинеты адвокаты, консультанты, врачи, благодаря этому будет починен водопровод, восстановлено центральное энергоснабжение. Цены на недвижимость подскочат, и вся Зона превратится и пригодный для жизни, благоустроенный город. Такое происходит сплошь и рядом.

Мейбл ткнула пальцем в дверь.

— Если вы хоть что-нибудь смыслите в современной городской географии, то понимаете, что подобное спонтанное возрождение городской среды — обычнейшее явление. Пока хватает энергичной наивной молодежи, которая обитает в таких трущобах, с иллюзией, будто она свободна от остального мира, это будет происходить и дальше.

— О!..

— Представьте себе! Такие зоны удобны всем. Некоторое время люди могут баловаться нестандартными мыслями и позволять се (к экстравагантное поведение. Поднимают голову разные чудаки и безумцы; если им удается зашибить деньгу, они обретают законности если нет — они падают замертво в спокойном местечке, где считается, что каждый отвечает за себя сам. Ничего опасного в этом нет — Мейбл засмеялась, потом посерьезнела. — Ну-ка, Лайл, выпусти эту дурочку из мешка.

— Она там абсолютно голая.

— Значит, прорежь в мешке дыру и накидай ей туда одежды. Живее, Лайл!

Лайл сунул в мешок велосипедные шорты и фуфайку.

— А как же мой инвентарь? — спросила Китти, одеваясь на ощупь.

— Значит так, — постановила Мейбл. — Пит вернет тебе его через неделю, когда его приятели все перефотографируют. Пока что пусть инвентарь остается у него. Считай, что так ты расплачиваешься с нами за наше молчание. А то возьмем и расскажем, кто мы и чем здесь занимаешься.

— Отличная мысль! — одобрил Пит. — Разумное, прагматичное решение. — Он стал сгребать имущество Кичти в свою сумку. — Видал. Лайл? Всего один звонок старому «пауку» Питу — и все твои проблемы решены. Мы с Мейбл умеем устранять кризисные ситуации, как никто другой! Вот и еще одна конфронтация, чреватая жертвами, разрешена без кровопролития. — Пит застегнул сумку. — Все, братцы! Проблема решена, Лайл, дружище, если потребуется подсобить, только свистни! Держи хвост пистолетом. — Пит вылетел в дверь и понесся прочь со всей скоростью, какую ему помогали развить реактивные башмаки.

— Большое спасибо за передачу моего снаряжения в руки общественно опасных преступников, — сказала Кичти. Потом, высунувшись из дыры и схватив с верстака резак, она стала вспарывать мешок.

— Это побудит вялых, коррумпированных, плохо финансируемых полицейских Чаттануги более серьезно относиться к действительности, — сказала Мейбл, сверкая глазами, — К тому же глубоко недемократично делать специальные технические сведения достоянием тайной военной элиты.

Китти попробовала пальнем керамическое лезвие резака, выпрямилась и прищурила глаза.

— Мне стыдно работать на то же правительство, что и ты.

— Ваша традиция, именуемая глубокой правительственной паранойей, безнадежно устарела. Раскрой глаза! Нами управляет правительство из людей с острым шизофреническим раздвоением личности.

— Какая низость! Я презираю тебя больше, чем могу выразить. — Она указала на Лайла. — Даже этот спятивший евнух-анархист в сравнении с тобой выигрывает. По крайней мере, он ни у кого ничего не просит и ориентируется на рынок.

— Мне он тоже сразу понравился, — беззаботно

откликнулась Мейбл. — Хорош собой, в отличной форме, не пристает. К тому же умеет чинить мелкие приборы и имеет свободную квартиру. Переезжай к нему, детка.

— Ты это к чему? Считаешь, что я не смогу устроиться в Зоне так удачно, как ты? Думаешь, что у тебя авторское право на жизнь не по закону?

— Нет, просто тебе лучше засесть с дружком за запертыми дверями и не высовываться, пока не сойдет с липа краска. У тебя вид отравившегося енота. Мейбл развернулась на каблуках. — Займись собой, а обо мне забудь. — Она спрыгнула вниз, села на свой велосипед и укатила.

Китти вытерли губы и сплюнула ей вслед.

— Ты когда-нибудь проветриваешь помещение? — окрысилась она на Лайла.

— Смотри, не доживешь даже до тридцати, так и подохнешь здесь от запаха краски.

— У меня нет времени на уборку и проветривание. Я слишком занят.

— Значит, уборкой займусь я. Приберусь тут и проветрю. Все равно мне придется здесь побыть, понял? Может, довольно долго.

— Как долго? — осведомился Лайл. Китти уставилась на него.

— Кажется, ты не принимаешь меня всерьез. Учти, мне не нравится, когда меня не принимают всерьез.

— Ничего подобного! — поспешно заверил ее Лайл. — Ты серьезная, даже очень.

— Слыхал что-нибудь о поддержке мелкого бизнеса, дружок? О стартовом капитале, например? О федеральных субсидиях на исследование и развитие? Китти пристально смотрела на него, взвешивая слова. — Обязательно слыхал, мистер Спятивший Технарь. Считаешь, что федеральной поддержкой пользуется кто угодно, только не ты? Учти, Лайл, дружба с сенатором переводит тебя совсем в другую категорию. Улавливаешь, куда я клоню?

— Кажется, да, — медленно ответил Лайл.

— Мы еще об этом побеседуем, Лайл. Надеюсь, ты не будешь возражать?

— Какие могут быть возражения!

— Здесь, в Зоне, творится много такого, чего я сперва не понимала. Это очень важно. — Китти смолкла и стряхнула с волос каскад зеленых хлопьев высохшей краски. — Сколько ты заплатил этим гангстерам-«паукам» за подвешивание твоей мастерской?

— Это была бартерная сделка, — ответил Лайл.

— Как ты думаешь, они сделают то же самое для меня, если я

заплачу наличными? Сделают? Мне тоже так кажется. — Она задумчиво кивнула. — Эти «пауки» вроде бы неплохо оснащены. Ничего, я избавлю их от этой ведьмы-левачки, прежде чем она превратит их и революционеров. — Китти вытерла рукавом рот. — Ведь мы находимся на территории, подопечной моему сенатору! Мы совершили глупость, отказавшись от идеологической борьбы только из-за того, что здесь живут отбросы общества, не посещающие избирательные участки. Именно поэтому здесь важнейшее поле битвы! Эта территория может сыграть ключевую роль в культурной войне. Сейчас же позвоню в офис и все обговорю. Мы не можем оставить этот участок в лапах самозваной королевы мира и справедливости.

Она фыркнула и вытащила из спины занозу.

— Немного самоконтроля и дисциплины — и я спасу этих «пауков» от них самих и превращу их в поборников законности и порядка. За дело!

Две недели спустя на связь с Лайлой вышел Эдди. Он звонил из пляжного домика где-то в Каталонии, на нем была шелковая цветастая рубашка и новенькие, с виду чрезвычайно дорогие очки.

— Как дела, Лайл?

— Порядок, Эдди.

— Жалоб нет? — У Эдди на щеке появились две новые татуировки.

— Никаких. У меня новая напарница. Специалистка по боевым искусствам.

— На этот раз ты с ней ладишь?

— Да. Она не сует нос в мою работу с велосипедами. В последнее время велосипедный бизнес набирает обороты. Возможно, я получу официальную линию электроснабжения, дополнительную площадь, стану опять принимать заказы по почте. У моей новой напарницы уйма полезных связей.

— Поздравляю, Лайл. Дамочкам ты по вкусу. Ты ведь никогда им не противоречишь. Им только этого и надо. — Эдди наклонился вперед, отодвинув пепельницу, полную окурков с золотыми фильтрами. — Ты получаешь посылки?

— Регулярно.

— Хорошо, — поспешно сказал Эдди. — Теперь можешь от всего этого избавиться. Мне эти копии уже ни к чему. Сотри данные, а диски уничтожь или продай. У меня тут наклевываются новые делишки, и старый мусор мне без надобности. Все равно это детские игрушки.

— Ладно, как скажешь.

— Ты не получал одну посылочку? Аппаратик, вроде как

телеприемник.

— Как же, получил!

— Отлично, Лайл. Вскрой его и все внутри закороти.

— Прямо так?

— Да. Закороти, разбей на куски и повыкидывай в разные места. Это опасная вещь, Лайл, ты понял? Я больше не хочу головной боли.

— Считай, что ты уже от нее излечился.

— Вот спасибо! Больше тебя не будут беспокоить посылками. — Он помолчал. Но это не значит, что я не ценю твои прежние усилия и добрую волю.

— Лучше расскажи, как твоя личная жизнь, Эдди, — скромно предложил Лайл. Эдди вздохнул.

— В разгаре. Сначала это была Фредерика. Раньше мы ладили, а потом. Не знаю, с чего я взял, что частые детективы — сексуальная порода. Видать, совсем спятил. В общем, теперь у меня новая подружка. Политик. Радикальный член испанских конгрессов. Можешь себе представить. Я сплю с депутатом одного из местных европейских парламентов! — Он засмеялся. — Политики — вот где таится секс! Знал бы ты, Лайл, какие это горячие штучки! У них и харизма, и стиль, и влияние. Деловой народец! Знают обходные дорожки, умеют подлезть с изнанки. С Виолеттой мне так весело как еще ни с кем не бывало.

— Рад слышать дружище.

— Это еще приятнее, чем ты можешь подумать.

— Ничего, — снисходительно ответил Лайл, — у каждого ведь своя жизнь, Эдди.

— Истинная правда.

Лайл кивнул.

— У меня дела, Эдди.

— Все совершенствуешь свои инерционные… как их там?…

— Тормоза. В общем, да. Здесь нет ничего невозможного. Я много над этим работаю и уже близок к решению. Принцип ясен, а это самое главное. До всего остального можно додуматься.

— Слушай, Лайл! — Эдди отхлебнул из бокала — Ты, часом, не подсоединял этот ящик к антенне и не смотрел его?

— Ты меня знаешь, Эдди, — ответил Лаил. — Кто я такой? Простой парнишка с гаечным ключом.